

Слово Святителя Тихона, Патриарха Московского и Всея Руси (+1925г.) в Неделю Православия

Нынешнее воскресенье, братья, именуется Неделю Православия или Торжеством Православия, ибо в настоящий день святая Православная Церковь торжественно воспоминает победу свою над иконоборчеством и другими ересями и ублажает всех, подвизавшихся за веру православную словом, писанием, учением, страданием и житием богоугодным.

Православия день празднующе, православнии людие должны сами свято беречь веру православную, твердо стоять в ней. Она для нас — дорогое сокровище: в ней мы рождены и воспитаны; с нею связаны не только все важные события нашей жизни, но она спешит подать нам благословение и помощь на всякую потребу и на всякое дело благое, как бы ни казалось оно малозначительным; она доставляет нам и крепость, и отраду, и утешение, и очищение, и спасение. Православная вера дорога для нас и потому, что сия вера — отеческая: за нее терпели болезни и труды святые апостолы, страдали мученики и исповедники, проливали слезы и поты преподобные и подвижники, боролись пастыри и учителя, отстаивали предки наши, которые и нам завещали хранить ее паче зеницы ока.

А что же мы — мы, потомки их, — соблюдаем ли веру православную, держимся ли благовестия ее? Некогда пророк Илия, великий ревнитель славы Божией, сетовал на то, что все сыны Израилевы оставили Завет Господень, уклонились от него к богам языческим. Однако Господь открыл Своему пророку, что еще целых семь тысяч среди израильтян не преклоняли колен пред Ваалом (см. 3 Цар. 19). Без сомнения, и теперь есть истинные последователи Христовы. Весть Господь сущия Своя (см. 2 Тим. 2, 19). Даже и нам приходилось встречать сынов Церкви, послушных и покорных велениям ее, почитающих пастырей духовных, любящих храм Божий и благолепие его, усердно посещающих богослужение, стремящихся проводить жизнь добрую, сознающих свои немощи человеческие и искренно раскаивающихся в прегрешениях своих. Однако много ли таких среди нас? Не больше ли тех, у которых терние суеты и страстей творит евангельское благовестие малоплодно, в неких же и бесплодно, и кои по умножению беззаконий противятся евангельской истине, отступают от достояния Господня и отрывают благодать Божию (из молитвы в чине Православия). *Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене*, говорил Бог в древности об Израиле (Ис. 1, 2). Немало и ныне таких, которых Господь родил, воспитал и возвысил в православной вере, и кои отвергают веру, невнимательны к учению Церкви, не слушают пастырей духовных, холодны к службам и храму

Божью. И как иные из нас в этой разноречивой и разноплеменной стране мало-помалу теряют веру православную!

Свое отступление они начинают с вещей, по их мнению, малозначительных. Они почитают «старину», «не принятым среди образованных людей» помолиться перед обедом и после, даже утром и вечером, носить на себе крест, иметь в доме иконы, соблюдать праздники церковные и посты. На этом не останавливаются, а идут и дальше: редко, а то и совсем не посещают храма Божия, так как в воскресенье нужно отдохнуть от работы (в салуне), не говеют, не исповедываются; не венчаются по-церковному, медлят крестить своих детей. Так порывают связи с родною верою православною! В оправдание своего отступничества приводят наивное суждение о том, что «здесь не старый край, а Америка, и потому (?) нельзя соблюдать всего, что требует Церковь». Как будто слово Христово пригодно только для старого края, а не для всего света! Как будто Церковь Христова не католическая! Как будто вера православная не вселенную утверди! *Увы, язык грешный, семя лукавое, сынове беззаконии, остависте Господа и разгневасте Святаго Израилева (Ис. 1, 4)!*

Если уж не храните веры православной и заповедей Божиих, то по крайней мере не уклоняйте сердца своего в слова лукавствия придумывать извинения во своих грехах (см. Пс. 140, 4)! Если не чтите уставов и обрядов наших, то по крайней мере не осуждайте и не глумитесь над тем, чего не знаете и не понимаете! Если не принимаете как должно материнских попечений о вас святой Церкви Православной, то по крайней мере сознайтесь, что поступаете нехорошо, грешите, что вы — худые дети! Тогда, быть может, Православная Церковь, как любящая мать, простит вас, вашу холодность к ней и обиды, и как заблудших чад примет вас в свои материнские объятия.

Свято сохраняя православную веру, любя ее от всего сердца и дорожа ею, православные люди должны заботиться о распространении ее среди иноверцев. Христос Спаситель сказал, что зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на свечнике, чтобы всем светила (см. Мф. 5, 15). Не для того возжжен и свет православной веры, чтобы светить малому кружку людей. Нет, Православная Церковь католична: она помнит заповедь Своего Основателя: идите в мир весь, проповедуйте Евангелие всей твари (см. Мк. 16, 15), научите вся языки (Мф. 28, 19). Своим духовным достоянием, истиною, светом, радостью мы должны поделиться с другими, лишенными этих благ, но нередко ищущими, алчущими их. Некогда ап. Павлу было видение: предстал муж македонянин, прося его и говоря: «Приди в Македонию и помоги нам», — после чего апостол тотчас отправился туда с проповедью о Христе (см. Деян. 16, 9-10). Подобный призывающий глас слышится и у нас. Мы живем, окруженные инославными;

среди моря иноверия наша Церковь есть небольшой спасительный остров, к которому и устремляются иные из плавающих по морю житейскому. «Придите, поспешите, помогите», — слышим мы нередко и в далекой Аляске от язычников, и чаще здесь, от братьев наших не только по плоти, но некогда и по вере (униатов). «Примите нас в свое общение, дайте нам своего доброго пастыря, пришлите священника послужить на праздниках, помогите нам построить храм, завести школу для детей, чтобы они не потеряли в Америке своей веры и народности», вот вопли, которые часто слышатся у нас особенно в последние годы...

Что же? Останемся глухи и нечувствительны к ним? Избави нас Бог от такого бесчувствия! А иначе великое нам горе за то, что мы, взяв ключи Царствия Божия, и сами не входим в него, и пред входящими запираем (см. Лк. 11, 52).

Но кто же должен заботиться о распространении православной веры, об умножении чад православной Церкви? Пастыри и миссионеры, скажете вы. Да, конечно, они; но только ли они одни? Церковь Христову апостол Павел мудро сравнивает с телом, а в жизни тела принимает участие всякий член. Так должно быть и в церковной жизни: при посредстве взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, великое Тело церковное получает приращение для созидания себя (см. Еф. 4, 16). В первые времена за веру Христову были мучимы не одни только пастыри, а и миряне — мужчины, женщины, даже дети, и с ересями боролись и мирские люди. Так и распространение веры Христовой должно быть делом родным, близким и дорогим для каждого христианина: в нем всякий член Церкви должен принимать живое и сердечное участие. К утешению, есть примеры тому и среди наших мирян. Так, члены индианского братства в Ситхе миссионерствуют среди своих односельчан, а один ревностный братчик даже нарочито ездил в другое селение (Килисно) и своими разъяснениями и убеждениями премного содействовал местному священнику в ограждении простых и доверчивых чад Православной Церкви от наветов вражиих. Также и в Штатах по многим местам обратившиеся от унии в Православие указывают своим ближним, где находится правда, и располагают их к вступлению в Православную Церковь.

Конечно, не у всякого из нас найдется возможность и способность к личному подвигу благовестничества. В таком случае укажу вам, братья, на то, что может и должен делать всякий для распространения веры Христовой. В посланиях апостольских мы нередко находим указания на то, что когда апостолы отправлялись на проповедь, то верующие помогали им в этом деле своими молитвами и жертвованиями, — за таким содействием особенно часто обращался к христианам апостол Павел. Значит, и мы свое сочувствие делу

благовестия можем выражать молитвою ко Господу о том, чтобы Он принял сие дело под Свой всемогущий покров, дал проповедникам силы достойно проходить служение их, помог им преодолеть трудности и опасности, с сим делом связанные, не попустил их впасть в уныние и ослабеть в святой ревности; чтобы отверз сердца неверующих к слышанию и приятию благовестия Христова, огласил их словом истины, открыл им Евангелие правды, соединил их святей Своей соборной и апостольской Церкви; чтобы Церковь Свою утвердил, умножил, умирил и непреодолимо во веки сохранил. О сем мы молимся, но больше устами своими, а сердцем редко когда. Разве не приходится слышать: «К чему эти ектении об оглашенных? Ведь теперь нет таких, кроме глухих углов Азии да Америки; пусть там и молятся, где они есть, а у нас только затягивается из-за этого и без того не короткая служба». Оле неразумия нашего! Оле беспечности и нерадения!

При усердной молитве об успехах проповеди о Христе, мы можем проявлять свое сочувствие этому святому делу и помогать ему вещественными пожертвованиями. Так было в первенствующей Церкви, и святые апостолы с любовью принимали приношения на дело проповеди, видя в них выражение любви и усердия христиан. В наши дни такие приношения особенно необходимы, ибо из-за недостатка их часто останавливается дело проповеди: то не на что бывает послать проповедника, то нет средств содержать его; то не на что построить храм, завести школу, то нечем помочь нуждающимся из новообращенных. На все это нужны средства, и у других находятся. Может быть, скажете, что другие богаче нас. Так, но и великие средства слагаются из малых, и если бы каждый из нас давал, сколько может, на это дело, то средства составились бы и у нас немалые. Итак, не будем смущаться малостью нашего подаяния. Не имеешь многого — подай, сколько можешь, только подай, только не упускай случая помочь делу обращения ближних ко Христу, ибо этим, по слову апостола Иакова, спасешь и свою душу и покроешь множество грехов (см. Иак. 5, 20).

Православия день празднующие, православнии людие, возлюбите православную веру не словом или языком, но делом и истиною.

Кафедральный собор, г. Сан-Франциско, Калифорния

23 февраля 1903 г.

Беседа Святителя Филарета (Дроздова), Митрополита Московского и Коломенского (+1867г.) в Неделю Православия

Уже глаголы святых Церкви, по ея уставу, взяли столько времени, что едва ли можно и немногие минуты уделить для произвольного слова служителя Слова, без опасения утомить некоторых предстоящих. Скажем однако нечто о значении настоящего торжества.

Ревнители православия, послушные Церкви, взирают на торжество православия, как на торжество поучительное, исполненное утешительных воспоминаний.

Но те, которые послушанием Церкви не ограничивают свободы мудрствовать по своему усмотрению, смотрят на церковное торжество православия с некоторым недоумением. Их неприятным образом поражают некоторые строгия осуждения, провозглашаемая среди церкви; и они спрашивают: довольно ли сообразно сие с кротостию и человеколюбием, свойственными христианству?

Чтобы разрешить сей вопрос, да будет и нам позволено предложить вопросы вопрошающим.

Каждую неделю несколько раз вы слышите в Богослужении изречение Псалмопевца: *прокляти уклоняющиися от заповедей Твоих* (Псал. СХVIII. 21). Думаете ли вы за сие строгое суждение обвинить Богодухновенного Псалмопевца в недостатке человеколюбия?

Читаете в послании святого Апостола Павла к Галатам, и слышите читаемое в церкви изречение: *аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет* (Гал. I. 9). Думаете ли обвинить Богодухновенного Апостола в недостатке кротости?

Если не можете не признать, что Пророк и Апостол произнесли строгия суждения согласно с данною им от Бога премудростию: то должно признать, что и ныне святая Церковь те же суждения произносит согласно с тою же премудростию. Надобно правильно понять намерение премудрости: и тогда не будет казаться странным дело ея.

Когда законодатель за тяжкое преступление полагает в законе, и провозглашает тяжкое наказание: скажете ли, что в сей строгости недостает человеколюбия? Напротив, есть человеколюбие в самой строгости: строгое наказание полагается, во-первых, для того, чтобы по возможности пресечь

преступнику пути к новым преступлениям, и следственно сберечь от него добрых людей, во-вторых, для того, чтобы людей, которые не тверды в добродетели, и могут искушением быть увлечены к преступлению, поддержать на добром пути страхом строгого наказания.

Подобно сему надлежит рассуждать о действии Церкви, которое кажется усиленно строгим. Среди верных чад своих она встретила людей, которые, по выражению Апостолов, *от нас изыдоша, но не беша от нас* (1 Иоан. II. 19), которые *вносят ереси погибели, искупльшаго их Владыки отметающесея* (2 Петр. II. 1). Что было делать иначе, как разве отсечь зараженные и заражающие члены от здраваго тела и сделать сие так открыто, чтобы и зараженные злым учением удобно могли увидеть свою погибель, и прибегнуть к всецелбному врачеству покаяния, и здоровые в вере несомненно знали, кого и чего должно им остерегаться; и как необходимо остерегаться бдительно.

И сие, как и все вообще, делает святая Церковь, не по своемумыслию, но всегда на основании слова Божия и священнаго предания. Она имеет от Самого Христа Спасителя повеление: *аще кто Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь* (Матф. XVIII. 17), то-есть, да будет чужд Христовой Церкви, а следственно и сущей с нею благодати. На сем основании Церковь не только может, но и должна отлучать от себя людей, *преслушных* не только ей, но и самому Богу, в священном писании глаголющему.

И как же исполняет она сей долг? Она не хочет от себя произнести тяжкаго слова: она произносит строгий суд устами Апостола Павла: *кто благовестит вам паче, еже прияте, кто проповедует погибельное учение не веровать во единого Бога в Троице, в воплощеннаго Сына Божия Спасителя мира, кто отметаает провидение и суд Божий, анафема да будет.*

И в том, что сей суд православия не карательный, а только обличительный и предохранительный, провозглашается в определенное время соборно, православная Церковь следует примеру, поданному Самим Богом в Церкви ветхозаветной. Было Божие чрез Моисея повеление: *да даси благословение на горе Гаризин и клятву на горе Гевал* (Втор. XI. 29). И сие исполнялось во всенародном соборе. *Левиты гласом великим* произносили проклятие и народ подтверждал оное словом: *буди.*

Но православная Церковь, исполняя тяжкий долг, не преминула воспользоваться и приятною частию повеления Божия: *да даси благословение.* Произнеся суд на людей, которые угрожали ей разрушением, радостно *дает* она *благословение* тем, которые данными от Провидения Божия средствами споспешествовали и споспешествуют ея укреплению, распространению мира.

Так при торжестве православия благословляет она память Константина Великого, который первый из царей решительно прекратил враждебные отношения государственной власти к христианству, и превратил в покровительственные, который возвел христианство в лице своем на престол и начал христианством освящать царство, который заслужил наименование Равноапостольного тем наипаче, что, созвав первый вселенский Собор, доставил ему удобство поставить твердую опору православию в Никейском символе веры.

Так благословляет Церковь Феодосия Великого, который с твердостью продолжал преобразование римской Империи языческой в христианскую, и созванием второго вселенского Собора споспешествовал Церкви довершить Никейский и — должно сказать по справедливости — вселенский символ веры.

Благословляет православная Церковь и нашего великого князя Владимира, по истине Равноапостольного: ибо чрез него Россия сделалась государством христианским и православным.

Благословляет православная Церковь и других благочестивейших Государей российских, которым она так же справедливо признательна за их попечение о ея благе, как справедливо должны были они быть признательны ей за ея попечение о благе государства и народа.

Наконец, при настоящем торжестве православия, Церковь почтила и благословила и ныне благословенно царствующаго Благочестивейшаго Государя Императора Александра Николаевича: и если бы спросили нас, какая мысль одушевляла нас при произнесении сего благословения, то мы отвечали бы, что у нас отзывалось и отзывается в сердце, от сердца Его Величества изшедшее слово: *сие есть первое живейшее желание Наше, да свет спасительной веры, озаряя умы, укрепляя сердца, сохраняет и улучшает более и более общественную нравственность* (Высоч. Маниф. 19 марта 1856 г.).

После сего, надеюсь, и прежде напоминания моего, вам уже приходит на мысль, как благовременно в день православия мы празднуем восшествие на Престол Православнаго Самодержца нашего Помазанника Божия, призваннаго Богом, в трудное время подавать помощь и защиту православной Церкви в пределах и за пределами отечества.

Возведем очи наши и сердца наши к Живущему на небесах, и усугубим моления наши, да Сам вечный Архиерей, прошедый небеса, Господь наш Иисус Христос даст благословение Свое, и пробавит милость Свою Православной Церкви и Православному Самодержцу нашему; да пребудет правая вера душою и неодолимою силою как Церкви, так и Царства; да проникает и одушевляет вера жизнь частную и общественную, отражая и изгоняя дух суеты и неправды; да

будет Церковь и Держава Российская всецело и нераздельно уделом царствия Божия. Ибо только союзныя с царствием Божиим царства земныя могут быть тверды и истинно благополучны. Аминь.

1857 г.

Слово Архимандрита Антонина (Капустина) (+1894г.) в первую неделю Великого Поста

Стойте в вере. Верую бо стойте.

(1 Кор. 16. 13. 2. Кор. 1. 24)

Едва ли где нибудь в христианском мире слово православие находит себе столько сочувствия, пользуется таким всенародным значением, как в благословенном и богоизбранном и богохранимом отечестве нашем. Узами совершеннейшаго, неразрывнаго единства связано оно с православием — сильным и всегда бодренным зиждителем и хранителем его целостности, благоденствия и славы. Церковь православная, Царь православный, Русь православная — все это слова, при которых радостно трепещет сердце Русское, от которых не отказывалось никогда, и за которые будет ратовать во всю высоту, глубину и широту Русской силы, Русской мысли и Русской жизни. История со своей стороны связала их навсегда цепью событий, разрешающихся доселе своими многоплодными последствиями, и сочетавающихся таким образом глубокую древность с отдаленнейшим потомством в единое тело государственное и в едино тело Христово. *Неделя Православия* потому должна быть близкою каждому сыну Церкви и Отечества. Не считаем нужным призывать верующих к сочувствию с Церковью в настоящий торжественный день, когда и без того для очень многих, если не для всех, участие в церковном торжестве составляет предмет усиленнаго желанія. Торжествуя и радуясь в священнодейственном служении, Церковь однакоже не перестает по обыкновению заботиться в своем учительном служении. Восхитительно для нея хвалить и ублажать православие наше, но отяготительно носить на матернем лоне своем и одного не знающаго, или не ревнующаго о своем православии.

Православие или правильное верование в Бога и Его царство, современно первому обнаружению в человеке разумной жизни. *Сотвори Бог человека праваго*, говорит слово Божие (Эккл. 7. 30), след. в начале бытия своего человек не иное мог иметь и верование в Бога, как только правое или православное. Но прежде нежели *положил Господь око свое на сердцах людей, завет вечный постави с ними, и судьбы своя показа им, и рече им: внимлите от всякия неправды* (Сир. 17. 12), уже известна была в царстве Божиим неправда; и прежде нежели *созда Бог человека в неистление* (Пр. Сол. 2. 23), уже был его тлитель. Отцу лжи, неустоявшему в истине (Иоан. 8. 44), тяжело было видеть правоту человеческую. Человекоубийца искони начал убийство свое затемнением в человеке здраваго смысла и извращением чистых и светлых его понятий о Боге,

о нем самом и о мире. Главнейшее из дел диавола, для разрушения коих явился *Сын Божий* (1 Иоан. 3, 8), — родоначальное в ряду их, есть искажение в людях боговедения и богопочтения. С словом лжи и клеветы выступил он в историю человечества, и до тех пор наполнял ее своим тлетворным лукавством, пока совершенно не уничтожил, не обезсилил и не обезславил лучшего и драгоценнейшего достояния человека на земле — веры в Бога. Ко времени пришествия Сына Божия на землю, на ней почти совсем исчезла правая вера. Лжеверие и безверие в мире языческом, суеверие в народе Иудейском — заступали место божественного, Откровенного верования. Отец лжи воздвигал одно на другом погибельные дела свои, и хотел по ним взойти на небо, быть подобным Вышнему. *Солга неправда себе* (Пс. [26. 12](#))! *Видех Сатану, яко молнию с небесе спадша*— свидетельствовал (Лук. 10. 18) Насадитель нового, правого вероучения. Истина скоро восторжествовала над неправдою. *Малейшее от всех семян, царство Христово, вскоре возрасло более всех зелий, и стало деревом, яко приити птицам небесным и витати на ветвех его* (Мат. 13. 32). Не могший древний (Апок. 12. 9) быть равнодушным к новому насаждению Божию, и якоже *Еву прелсти лукавством своим*, так искал истлеть *разумы верующих от простоты яже о Христе* (2 Кор. 11. 3). *Иегда виде, яко низложен бысть на землю.. разгневался на жену* (т. е. Церковь Христову, родившую сына мужеска), *и иде сотворити брань со оставшим семенем ея, иже соблюдают заповеди Божия, и имеют свидетельство Иисус Христово* (Апок. 12. 17). Сей выход его на погибельное дело известен был уже Апостолам. Они сеяли повсюду семя доброе, а между тем неведомо откуда, по предсказанию Господа (Мат. 13. [25 39](#)), на ниве Божией вырастали плевелы. *От нас изыдоша, но не беша от нас* (1 Иоан. 2, 19) — свидетельствовал Апостол о сынах неприязни своего времени. *Подобает в вас и ересем быти* (1 Кор. 2, 19). *От вас самех, востанут мужие, глаголющии развращенная еже отторгати ученики в след себе* (Деян. [20. 30](#)) — предсказано было другим апостолом о будущем времени. Сия, как бы необходимая при свете божественной истины, тень заблуждения в последующия времена известною стала прд общим именем *ереси* и *неправославия*. По неизбежному ходу лжи, одна ересь разрушалась и сменялась другою, и несколько раз неправославие угрожало совершенно подавить и истребить правую веру, возставая на нее и словом и оружием. Последнее и сильнейшее покушение его в Греческой Церкви было под видом Иконоборства. Когда *клеветник братии нашея* (Апок. 12. 20) увидел, что все прямые средства его к повреждению православия оказываются недействительными, — клевета его не пристает, и *врата адовы не одолевают Церкви* (Мат. 16. 18), — из своих глубин (Апок. 11. 24) изнес коварство нового рода. Он знал, что вера скоро перестанет быть правою, если перестанет быть живою и наглядною для человека, а потому

изыскал средство охладить в Христианах теплую веру в их Искупителя, обратив ее в предмет или холодного размышления или мечтательного вымышления, — разорвав живую связь минувшаго с настоящим, чувственного с духовным. Неправославие этого рода казалось самым чувствительным для св. Церкви. Оно уничижало святыню ея, попирало безценный лик Богочеловека, возставало на седмивековое верование и постановление христианское; но этого мало, — оно грозило уничтожить все внешнее богопочтение и богослужение, — отнять всякую важность и силу у церковных определений, и предать дело веры Христовой на произвол всех и каждого. Ревность двух благочестивых цариц остановила разрушительный поток зла. Чудо подало руку помощи христоролюбивому усердию; и в сей самый день ко всеобщей радости Христианскаго мира, после многолетних смут церковных, возстановлено было богомудрое почитание св. икон, — и древнее отеческое и Апостольское православие утвердилось на всегда в Церкви Греческой.

Веком позже сего вечнопамятнаго события православная Вера озарила наше Отечество. Мысль о православии была тогда еще самым живым убеждением в Церкви, и мы призваны были наследовать и сохранить ее. Во всем боголепном величии сие призвание высказалось тогда, когда Церковь Греческая принуждена была одну за другою пить горькия чаши земнаго неблагополучия. Дух лжи уже давно нес на нее тучу новаго лжеверия, и вскоре заставил вместо внешнего могущества и блеска сосредоточиться в скромной, внутренней, силе единения, терпения и самоотвержения. В это время наше Отечество призвано было уничижаемую православную Веру прославить и вознести на возможную высоту земнаго почитания, и стать крепким оплотом всего Христианскаго мира против разливавшагося Магометанства, более положить успешное начало сокрушению неслыханной дотоле гордыни человеческого нечестия, явно и злобно посмевавшагося делу Христову. Благословенное Отечество! Что славнее и вожделеннее твоего высокаго призвания? — Когда виды человеческие отторгнули от единства с Вселенскою Церковию целую половину Христиан, захотевших из царства Божия сделать царство человеческое, отрицая независимость древле-апостольскаго церковнаго управления, и посягая на самую чистоту вероучения, православие также оперлось на нас, и Церковь Русская заменила Римскую, оказавшуюся неспособною к вселенскому единению. Опять на нас печать видимаго избрания Божия! — Бедствия за бедствиями возникали потом между неправославными Христианами. Злоупотребление привлекло на себя обличение; обличение вызвало раздражение; раздражение произвело отступление. Кровь христианская полилась за мнимое дело Божие, по обоестороннему заблуждению междуусобствовавших. Обе стороны ревновали о православии, но ни та, ни

другая не имела его, обе и разошлись потом, дав друг другу волю думать и верить, жить и действовать, как кому угодно. Горестное зрелище! Церковь Русская призвана была в это время указывать заблуждающим истинное православие во всем его величии и чистоте Апостольской. Обе стороны неправославные имели ее в виду, но уже столько увлечены были своим делом, что не могли ни понять, ни оценить ее. — Враг царства Божия не остался доволен и тем злом, в какое повергнул западных братьев наших. Ему хотелось довести незаконное дело свое до последней лести, горшей всех прежних. Отрекшаяся от древнего Апостольско-отеческого духа и законоположения, новая, человекоименная, церковь в самом начале своем раздробилась на секты, одна другой враждебная, и, неуправляемая никаким законом, для всех общим и обязательным, начала подрывать и разрушать Веру Христову. Уже два века вторгается из нея дух совершенного отступления от Христа. Страшные потрясения жизни народной, оглашающая в наше время весь мир, суть прямые порождения ея уклонения, скажем более, ея отвращения от православия. Горько еще раз — *солга неправда себе!* Не имеем нужды прозревать в сокровенное будущее... Много печального и плачевного заключает в себе и настоящее. — С особенною любовью возвращаемся к Православному христоносному Отечеству нашему. Какое богатство силы, мира, довольства, просвещения, законности и порядка заключено в нем! Волны мятежей и междоусобных браней, терзавших целые веки неправославный запад, известны нам были только по слуху. Но во времена всеобщаго, неумиримаго нестроения народов, не раз уже Промысел призывал нас к восстановлению прав Божиих над человеком, и к возвращению человеку его богоподобнаго достоинства. Высокая и блаженная доля! Кто не видит, в какой близости поставлены мы к делу Божию на земле? Кому не понятна след. и та глубокая и крепкая связь, в которой находятся и должны всегда находиться в отечестве нашем благочестие с благоденствием, православие с правдою и славою народной жизни? Все, чего можно пожелать человеку и человеческому обществу, все нам дано и дается православием! Оно дает мысли нашей высоту и широту, сердцу — теплоту, любовь и радость, воле — благопокорливость и самоотвержение, характеру — силу, стойкость и решительность, чувству — безстрашие, совести — мир, телу — мужество, крепость и здравие, слову — власть и силу, обществу — жизнь, свободу, радушие, доверие, семейству — любовь, терпение и взаимное уважение, прошедшему — чистую и благодарную память, будущему — благую надежду. Сия-то совокупность всех истинно-человеческих достоинств, истекающих из православия и ведущих к оправданию и вечной славе, и составляет величие России в страх врагам царства нашего и в позор Врагу царства Божия. — Да будет это всегдашним убеждением твоим, православный сын Церкви и Отечества!

Но то, что хорошо можно знать, не всегда также хорошо можно чувствовать. Православие, как и все царствие Божие, *внутри нас есть*: (Лук. 19. 21), и не ищет себе человеческого превозношения,— напротив стремится низлагать всякое превозношение; от того ни само не представляется в ослепительном блеске, ни исповедникам своим не позволяет блеснуть пустым и холодным светом. Не всех, потому, оно может занимать в полную меру своего достоинства. Для одних может представляться не так близким, для других не так занимательным, для третьих не так важным, для четвертых не так приятным, и т. под. Что сказать? Сам Господь наш Иисус Христос, вечная Истина, Премудрость, Любовь и Жизнь, не всех желания и надежды мог удовлетворить. *Царство Мое несть от мира сего*(Иоан. 18. 36). *Не веста, чесо просита* (Марк. 10. 38) — говорил Он, и подобными отзывами разрушал все неосновательныя надежды и предположения на счет лица Его и служения, и многих совершенно отдалил от Себя. Однакоже Его учение, Его служение, Его лице для всех и отвергавших его было необходимо и спасительно.

Православие находится в такой связи со всем, чему научил и что совершил Господь, что одного без другаго и представлять не должно. Если близко всякому дело Христово, то несомненно также близко и православие. Вина не в православии, что оно не кажется нам близким. Солнце, —которое нас живит, воздух, — которым мы дышем, также можно счесть предметами не близкими тому, кто не думает о них. Мы приблизили к себе много такого, чего бы надобно стыдиться или ужасаться, и без сожаления оставляем самое драгоценнейшее сокровище ума и сердца. Кто виноват?

Главным образом потому, что не близко, — православие представляется и не занимательным для нас. Не занимательно учение о Боге, о Искупителе, о нашей жизни, о нашей смерти, — судьбе временной и вечной, — словом: не занимательно то, вне чего для бессмертного и богоподобного духа нашего нет и быть не может ничего занимательного! Не унижаем ли мы в себе через это своего человеческого достоинства, и не уподобляемся ли тем, пред которыми Господь запрещал Апостолам метать *бисеры* своего божественного учения (Мат. 7. 6). Экклезиаст, испытавший все занимательное в мире, всему придавал одно и тоже поучительное имя: *суета суетствий*. Если в его время — образного и прикровенного видения предметов божественных — такими пустыми казались все дела человеческия, то Христианину ли, котораго *житие на небесех есть* (Филип. 3 20), который знает небо едва не так же, как свою землю, и призывается к соцарствованию с Богом — ему ли ревновать о суете и пустоте более, чем о вечной жизни и ея ходатаице — православной Вере? Мудрецу древнему казалось, что только *род переходит и род приходит, а земля во веки стоит* (Эккл. 1. 4). Не только земля — *небеса с шумом мимоидут* (2 Петр. 3. 10), *земля и яже*

на ней дела сгорают — иота же едина или едина черта не преидет от закона (Мат. 5. 18) т. е. от учения Христова. Вот, какое отношение между тем, что должно занимать, и что действительно занимает нас. Если при всем том православная Вера не кажется занимательною, и мысль о православии не трогает сердца, — повторим: кто виноват?

От того, что у нас есть слишком много занимательных на земле предметов, поглощающих наше внимание и отстраняющих от нас все прочее, нам кажется, что православие не довольно важно для того, чтобы приковать к себе мысль и сердце христианина. Но Господь сам заботился о том, чтобы Его учение было понято и сохранено именно в том виде, в каком преподано, обличал лжемудрование и перетолковывание, завещавал хранить слово Свое, повелевал учить блюсти все, что Он заповедал, обещал послать (и послал) Духа Святаго, чтобы Он воспомянул все сказанное Им. Не видно ли, что по мысли и заповеди Христовой не все равно, правильно или нет сохраняется учение Его? Апостолы с величайшею заботливостию и опасливостию различали правое или здоровое учение от суетмыслия и заблуждения, ясно давая разуметь этим, что правое учение или православие должно быть предметом первой важности для верующих. Все века Христианские свидетельствуют, что Православие всегда было душою и жизнью Христовой Церкви. Пастыри и Учители ея первым долгом своего служения почитали распространять, укоренять, прояснять и защищать православие. Пасомые и учимые сочувствовали им от всего сердца и помогали всем, чем могли. Мученики и Исповедники лили кровь, полагали душу свою за него. Подвижники благочестия из него выступали, и им подкрепляли себя на подвиге. Церковь соглашалась лучше пожертвовать своим благоденствием и своею свободою нежели согласиться на неправославие. В чем же причина такой привязанности Церкви к православию? В том, что и Церковь и православие суть одно и то же; Вера, Православие, Церковь, Христос, — все это одно без другого быть не может. Кто верит, что есть Бог, единый и определенно себя открывший людям, тот должен верить, что одно только может быть и учение Его, просвещающее и спасающее нас. Когда же — так, то без всякого сомнения православие должно быть почитаемо и блюдомо нами как важнейшая из человеческих драгоценностей, как памятник искупления нашего в прошедшем и залог блаженства в будущем.

Едва ли не главная причина того, что православие иногда не пользуется достойною себя честью, заключается в его мнимой тяжести и неприятности. — Прежде всего оно не нравится тем, что имеет тон решительный и настойчивый; а потому стеснительный, — делает вовсе неуместными и незаконными обыкновенные выражения нашего слабомыслия «может быть, кажется, вероятно» и т. д. Можно ли же, говорит недовольный им, столько брать на себя

и столько требовать от другого? Недовольный забывает, что имеет дело с Богом и Его решительною неизменною волею, — не знает повидимому, что так же настойчиво (с тем только различием, что редко законно) требует себе веры и всякое ведение человеческое. Потом — православие отталкивает от себя тяжесть своих предписаний и строгостию взысканий. Частовременное и продолжительное богослужение, еще более продолжительные посты, исповедь, церковныя эпитимии, ограничения семейных и общественных отношений, дух, вообще, самопожертвовательный и подвижнический и т. под. самое нынешнее *Торжество Православия*, возглашающее одним из христиан вечную память и многия лета, а другим анафему — все это заставляет слабых духом и сильных плотию и кровию чуждаться, если не прямо бояться, православия. Но здесь частью имеется в виду уже не православие, а вообще учение Христово. В таком случае достаточно привести на память слова Апостола: *Еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако* (Римл. 9. 20)? Разве христианин может с неудовольствием говорить о том, что установил Иисус Христос? — Частью, необдуманное недовольство выходит здесь с клеветою на дух православной Церкви, кроткий и снисходительный иногда до того, что самые недовольные ея строгостию укоряют ее в слабости и излишней уступчивости. Чего же впрочем хотел бы недовольный православием от постановлений Церкви? Поддержки ли того, чему он сам не рад, и от чего отказаться заставляют его и ум и совесть? Подчинения ли его, редко хорошо соображенному и верно направленному, а чаще детски — прихотливому желанию, понятию, взгляду? Безпечной ли невнимательности к его поведению и образу жизни, и предоставления его на собственный произвол? Церковь не была бы Церковию, еслибы согласилась на это, и не была бы православною, еслибы не охраняла святости и нерушимости своих древних Апостольских постановлений; — не была бы матерью чадолюбивою, еслибы позволила своим чадам сойти с спасительнаго узкаго пути жизни, и стать на широкий, ведущий в пагубу; — не была бы невестою Христовою, если бы не заботилась о своей чистоте и непорочности; словом, потеряла бы всякое значение и уважение в человечестве, — что и сбилось, к сожалению всего христианскаго мира, над лжеименною Церковию Преобразованною.

Что бы ни изобрели и не сказали вопреки православию лень, чувственность, самолюбие, самообольщение, гордость, ожесточение, легкомыслие и празднословие, православная Вера всегда останется победительницею, светлою и боголепною. «Сия вера Отеческая! Сия вера Кафолическая! Сия вера вселенную утверди!» Отзовемся, православные чада Церкви, на сей восторженный возглас ея полным и совершенным сочувствием! Вера православная — наша, наша — по рождению, по воспитанию, по

благодатному действованию на нас, по управлению нами нравственному, по напутствованию нас и сопутствованию нам в жизнь вечную. Она приняла нас от утробы матерней, она проведет — и в утробу земную. Она хранила нас от бед жизни, она станет защищать и от мук смерти. Она стояла за нас на суде людском, — заступится и на суде Божиим. Ее возлюбим, ее прославим, ею освятим все дела свои, и на нее возложим последнее упование. «Веруй в Мя, рекл еси, о Христе мой, жив будет и не узрит смерти во веки. Аще убо вера, яже в Тя спасает отчаянныя, се верую — спаси мя, яко Бог мой еси Ты и Создатель. Вера же вместо дел да вменится мне, Боже мой! Не взыщеша дел отнюдь оправдающих мя. Но та вера моя да довлеет вместо всех, та да отвещает, та да оправдит мя, та да покажет мя причастника славы Твоя вечныя!» Аминь.

Слово Протоиерея Иоанна Поспелова (+1910г.) в Неделю 1-ю Великого Поста.

Торжество Православия

Сегодня у нас, слушатели, неделя Православия; нам, православным, сегодня особенно нужно знать сегодняшнее торжество Православия. Поэтому, надеюсь, вы с любовью выслушаете сказание о нем.

Назад тому более тысячи лет явились между христианами еретики, иконоборцы. Эти еретики думали, что Господь наш Иисус Христос имел не настоящее тело, а призрачное, почему утверждали, что нельзя и изображать его на иконах, что кланяться святым иконам тяжкий грех, идолопоклонство. Так как эту ересь заражены были некоторые императоры Константинопольские, то на православных, на почитателей икон и на самые иконы поднялось гонение. Святыя иконы, издревле почитаемыя, служащая украшением святых храмов, велено было выбросить из храмов, еретики надругались даже над Святым Животворящим Крестом и нетленными мощами святых угодников Божиих. Святители и другие защитники почитания святых икон были ссылаемы в ссылку, иные заключаемы в темницы, даже были мучимы. Но при благочестивой императрице Ирине православные взяли верх над иконоборцами. Созван был в городе Никее седьмой Вселенский собор. На этот собор собралось из разных мест вселенной одних архиереев 367. Собор утвердил древнее правильное почитание икон; он велел не служить иконам, или не почитать иконы, например, икону Спасителя, за Бога, или за самого Спасителя, а только воздавать почтение иконе, как святому изображению Спасителя, поклоняться пред иконою, но в тоже время ум свой возносить к самому Спасителю.

К сожалению, и после вселенского собора более 50 лет не было мира в святой церкви, еретиками снова становились самые цари, и иконы были гонимы. Последний и самый жестокий гонитель их был царь Феофил. За то и Господь покарал его, жестокая смертельная болезнь постигла его. Эта болезнь вразумила Феофила, он воздал почтение иконам, и болезнь его облегчилась, он умер православным, и с ним кончилось гонение на иконы. По велению благочестивой царицы Феодоры, супруги Феофила, немедленно возвратились из ссылки все сосланные за защиту святых икон, освобождены из темниц все страдальцы за православие. Патриарх Константинопольский Мефодий, окруженный священным собором, просил царицу воротить церкви Божией отнятое у неё драгоценное и

спасительное украшение – святые иконы. Благочестивая царица вышла к собору с иконою Божией Матери, сама неся её и целуя, и отвечала на просьбу Патриарха: „Кто не поклоняется и не почитает изображений Господа, Богородицы и святых, тот да будет анафема.” Но вместе с тем сама просила святителей помолиться за её мужа, чтобы Господь простил ему его согрешения. И всю первую неделю Великого Поста, которая тогда случилась, молились о заблуждавшемся, но обратившемся на путь истины, царе. А в воскресенье, после усердных молитв Царю Небесному о восстановлении почитания святых икон, торжественно совершён был крестный ход, на коем было всё многочисленное духовенство Константинопольское, сама императрица, малолетний сын её и несметное число народа. Это было в 842 году после Рождества Господа нашего Иисуса Христа. С тех пор и доселе Православная церковь, в память восстановления почитания святых икон, ежегодно в первую неделю Великого Поста совершает Торжество Православия, т.е. торжество истинной веры, которая от святых апостолов непрерывно и неизменно сохраняется и будет сохраняться, по обещанию Христову, до кончины мира.

Какое наставление из этой повести нам, слушатели? А вот какое: нам нужно почитать святые иконы, это повелела нам святая церковь. Но почитать их правильно. Не нужно думать, будто иконы – это Бог. Молясь пред иконами Богу или святым, мы должны знать, что мы молимся не самим иконам, дереву или краскам, а самому Господу Богу или святым, которые изображены на иконах. Почитать святые иконы мы должны потому, что они изображения святых, изображения Самого Господа и святых Его, что они освящены благодатию Божиею, которая иногда подает чудесную помощь людям через святые иконы. Посему мы обыкновенно молимся Богу пред святыми иконами, с благоговением прикасаемся или целуем их, ставим пред ними свечи как нашу жертву Царю Небесному, кадим пред ними.

Будем же, слушатели, почитать святые иконы: как не почитать изображение самого Спасителя? Но своим незнанием или неправильным почтением святых икон не подадим повода иным думать, что мы идолопоклонники, а главное, остережемся прогневать Господа Бога, который Дух и везде находится, а не дерево, и не краски, и не икона. Икона – это только одно изображение, лик Господа, а не самый Господь. Аминь.

1885г.